

УДК 81.221 + 811.161

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИТУАЦИИ ПЛАЧА В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

А.В. Михайлов (Красноярск, Россия)

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В русском языкознании находит место описание жанров древнерусской литературы на основе базовой эмоциональной семантики группы текстов и структуры эмоционально наполненных ситуаций. Среди таких жанров ситуация (народного) плача оказывается несколько недооцененной. Авторы предлагают относительно подробное описание как самой ситуации плача в древнейшей русской летописи – Повести временных лет – и ее продолжении по Лаврентьевскому списку, так и типологии и структурно-семантического наполнения ситуации плача.

Цель статьи – выявление способов представления ситуации плача в корпусе Повести временных лет в составе Лаврентьевской летописи и ее продолжении (Суздальской летописи).

Методология и методы исследования. Основные методы анализа – выявление моделей ситуаций плача на основе их сравнения в различных временных пластах анализируемых текстов, описание способов их репрезентации в летописном тексте.

Результаты исследования. Произведено структурно-семантическое описание моделей выражения ситуации плача в древнерусском тексте Повести временных лет по летописному списку в Лаврентьевской летописи.

Заключение. Анализ моделей и структур ситуаций персональных и коллективных эмоциональных проявлений, описанных в летописных текстах, имеет для понимания развития древнерусской системы жанров большое значение. Ситуация плача обладает особенностью потенциала трансформации в отдельный жанр, что обуславливает дополнительный интерес к ней. Авторский вклад – проанализированы ситуации плача в Повести временных лет и ее продолжении в Лаврентьевской летописи, тем самым создана база для рассмотрения ситуаций эмоционального проявления в более поздних древнерусских хроникальных и повествовательных текстах.

Ключевые слова: ситуация эмоционального проявления, плач, модель описания ситуации, древнерусский текст, Повесть временных лет.

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); Scopus Author ID: 57704432200; e-mail: avm_2006_64@mail.ru

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); ORCID: 0000-0003-2450-9226; Scopus Author ID: D-2230-2016; e-mail: ta.rada@mail.ru

Постановка проблемы. Изучение понятия плача и отображение ситуаций, связанных с этим понятием, в лингвистике, и шире – в филологии имеет длительную традицию. В современной лингвистике эта тема стала особенно актуальной в связи с развитием различных направлений в концептологии и эмотологии ([Буряков, 2024; Красавский, 2001; Товкайло, 2019]; (Шаховский, 1994), см. также работу

Л.А. Калимуллиной)¹. Появилось много работ, посвященных изучению этого явления в традиционной народной культуре² (см. также [Велецкая,

¹ Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронические аспекты (с привлечением материала славянских языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Уфа, 2006. 499 с. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/152899> (дата обращения: 18.08.2025).

² Толстая С.М. Слезы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С. 42–46.

2009; Гынгазова, 2007; Земичева, 2019; Савельева, 2011; Толстая, 2012). Об этом же пишет и исследователь Ю.Н. Ильина³.

Плач и слезы являются важным феноменом древнерусской культуры. Разные виды плача, идущие из языческих времен, объединяясь с христианскими традициями и ритуалами, присутствуют в традиционной русской культуре до сих пор. Плач как литературный жанр входит в систему жанров древнерусской литературы. Пожалуй, одними из самых авторитетных исследований плача как текста, объединяющего в себе традиции русской народной культуры и византийской литературы, являются работы [Адрианова-Перетц, 1947; 1974]. В них указаны основные типы плачей в древнерусских текстах, рассмотрено влияние народных причетов и византийских книжных плачей на развитие жанра плача в русской письменной культуре. Современные исследователи продолжают изучение этой литературной формы в летописных текстах и предлагают свою типологию литературных плачей в воинских и публицистических древнерусских текстах [Трофимова, 2014; 2016].

Цель статьи – выяснить, как представлена ситуация плача в тексте Повести временных лет по Лаврентьевской летописи, описать структурно-семантические модели и их разновидности, используемые для презентации проявления эмоций в древнерусском тексте.

Основной метод анализа – выявление моделей данных ситуаций через сопоставление их составных элементов и семантического наполнения, описание их репрезентаций в летописном тексте.

Обзор научной литературы. А.С. Орлов в своей знаменитой работе говорил не только о формулах, характерных для древнерусских воинских повестей, но и о «стереотипных схемах последовательного действия», представленных в этих текстах [Орлов, 1902, с. 14]. Эта мысль

о «стереотипных схемах» является для нашей работы важной в той же мере, как и идея В.В. Колесова о когерентности поэтических формул в средневековом тексте топосу, что позволяет, по его мнению, «сохранить образцовые тексты во времени и пространстве, одновременно создавая структуры повествовательных форм» [Колесов, 1996, с. 95].

Ситуации плача, представленные в тексте Повести временных лет (далее – ПВЛ), описываются христианскими авторами, одна из задач которых была эксплицировать «правильный» христианский взгляд на прошедшие и текущие события. Этот способ репрезентации реальных событий, принципы отбора языковых средств для описаний фрагментов действительности, вызвавших состояния плача у человека или группы людей, сохраняется в древнерусских текстах до Нового времени.

Рассмотрим, как в летописном тексте представлена ситуация плача, связанная с выражением этого состояния большими группами людей (род князя, его окружение, народ). Для выражения данных ситуаций в тексте используется следующая модель: (а) событие – (б) реакция на событие (плач) – (в) оценка. Эта модель имеет различные языковые реализации в зависимости от характера события, вызвавшего всенародные «плачи и вопли». Заметим, что представление о моделях плача и слез в древнейшей летописи при различных исследовательских методиках может быть и иным, в частности, см. работу А.А. Фитискиной, где говорится, что модель слез и плача состоит также из трех компонентов: предиката (Р), который может быть выражен рядом близкозначущих лексем, объекта (О) и субъекта (S) [Фитискина, 2023, с. 5].

1. Ситуация плача, связанная со смертью князя.

Для репрезентации ситуации этого типа характерно выражение высокой положительной оценки. Образы плачущих помогают автору летописного текста акцентировать нужные оценочные смыслы. Такая оценка появляется в фрагментах, рассказывающих об эмоциональной реакции персонажей на болезнь или смерть

³ Ильина Ю.Н. Севернорусские похоронно-поминальные причитания: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2008. 26 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003450407?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 18.08.2025).

князя. Описание плача как физиологической реакции на печальное известие, видимо, указывает на интенсивность эмоционального переживания [Буряков, 2024, с. 101] и оценивается как «правильное», соответствующее христианским нормативным представлениям. Рассмотрим репрезентации всех трех элементов предложенной нами модели для данной ситуации плача.

Элемент (а) – событие.

Смерть, убийство или смертельная болезнь князя.

Сообщение о печальном событии в летописи может быть представлено различным способом. Возможно, например, информативное сообщение о смерти князя без описания плача:

В лѣто 6571 (1063) Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша и въ церкви святого Георгия (л. 55, стлб. 163)⁴.

Описание смерти уважаемого правителя, деятельность которого в летописи оценена высоко, строится не спеша, опираясь на подробности последних дней князя (или княгини). Например, летописец передает последний разговор с наследниками (как, правило, с сыном или сыновьями):

(2) *Рече ему Волга: «Видиши мя болное сущю, камо хоцещи от мене ити?» бе бо разболелася уже. <...> По трех днехъ умре Ольга (Л. 20 об. Стлб. 67–68).*

(3) *Преставися великий князь русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «Се азъ отхожю света сего, сынове мои, имейте в собе любовь, понежевы есте братья единого отца и матери....» (Л. 54 об. Стлб. 161).*

⁴ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей, издаваемое Историко-археографической комиссией АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. I, вып. 1: Повесть временных лет. 286 стб. URL: [https://archive.org/details/Complete_Collection_of_Russian_Chronicles_1926_Vol_1_Laurentian_Chronicle/Laurentian_Chronicle_1377_g._Рукопись._Нижний_Новгород_\(?\),_1377._Ф._550._Основное_собрание_рукописной_книги,_инв._219._Шифр_Ф._п._IV._2._173_л._Цит._по_электронному_воспроизведению:_https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/index.php](https://archive.org/details/Complete_Collection_of_Russian_Chronicles_1926_Vol_1_Laurentian_Chronicle/Laurentian_Chronicle_1377_g._Рукопись._Нижний_Новгород_(?),_1377._Ф._550._Основное_собрание_рукописной_книги,_инв._219._Шифр_Ф._п._IV._2._173_л._Цит._по_электронному_воспроизведению:_https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/index.php) Здесь и далее столбцы указываются по публикации 1926 г., а листы рукописи – по списку Лаврентьевской летописи 1377 г., хранящемуся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки под шифром Ф.п.IV.2. В круглых скобках (1) даются номера примеров.

Князь может послать известие о своей болезни сыну, и тогда описание события конструируется с точки зрения члена семьи, что усиливает эмоциональную напряженность в описании:

(4) *Разболевшюся ему велми, посла по сына своего до Володимера Чернигову. Пришедшю Володимеру, видевъ и велми болна суща, и плакавъся (Л. 72 об. Стлб. 217).*

Если же речь идет об убийстве князя, то летописец может описать подробно и красочно обстоятельства этого. См., например, рассказ об убийстве Ярополка Изяславича в междоусобной войне 1084 г.:

(5) *И не дошедшю ему града, и прободень бысть от проклятаго Нерадьця, от дьяволя наученья и от злыхъ человекъ. Лежащю и ту на возе, саблюю с коня прободе <...> И тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и възпи великим гласомъ: «Охъ, тот мя враже улови» (Л. 69. Стлб. 206).*

Элемент (б) – реакция на событие (плач).

«Некрологические» описания включают в себя картины плача представителей княжеского рода (чаще сыновей и братьев), дружины князя и людей князя:

(6) [о Ярославе] *Принесъ, положиша и в рацѣ мороморяне в церкви святое Софье. И плакася по немъ Всеволодъ и людье вси (Л. 54 об. Стлб. 162).*

(7) *По трех днехъ умре Ольга. И плакася по ней сынъ ея, и внуци ея и людье вси плачемъ великомъ, несоша, и погребоша и на месте (Л. 20 об. Стлб. 68).*

Важным, почти обязательным дополнением при описании ситуации плача на смерть князя является указание на всеобщность переживаний:

(8) [об Изяславе] *...плака бо ся по немъ весь град Киевъ. Ярополкъ же идяше по немъ, плакася с дружиною своею (Л. 68. Стлб. 202).*

(9) [о князе Андрее] *...рыдаеть же множество правовѣрныхъ... (Л. 124 об.).* См. также примеры (6) и (7).

Летописец указывает на представителей различных социальных слоев, оплакивающих князя, называет важные качества правителя для каждого слоя:

(10) [о Владимире] *и плакашася по немь боляре и акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя* (Л. 45). См. также пример (13).

Ситуация плача по смерти князя представлена довольно часто в контекстах, имеющих семантику движения. Тело князя перемещают на долгие расстояния к Киеву из других городов или с поля битвы, и это движение сопровождается пением и плачем:

(11) *предать душу свою* [Ярослав Богу] ...*Всеволодъ же спрята тело отца своего, възложьше на сани, везоша къ Киеву, попове поюще обычныя песни, плакашася по немь людьє* (Л. 54 об. Стлб. 162).

Обращается внимание исследователя на то, что в данном контексте нет глагола со значением плача, он подразумевается из контекста, как в примере (11) – *попове поюще обычныя песни* – сочетание «обычные песни» означает «погребальные, заупокойные церковные песнопения».

(12) *Убьень бысть Изяславъ... И взявше тело его, привезоша и в лодыи, и ... изиде противу ему весь городъ Киевъ повезоша* [тело Изяслава] *и съ песнми попове и черноризци, поне-соша и в град* (Л. 67 об. Стлб. 202).

И в следующем примере движение (на встречу телу умершего князя) сочетается с плачем и заупокойными песнями, а далее – с движением (уже вместе с телом) обратно в город к месту упокоения.

(13) [о Ярополке] *Изиде противу ему... Всеволодъ с своима сынъма... и вси боляре, и блаженный митрополитъ Иоан ... И вси кияне великъ плачь створиша над нимъ, со псалмы и пес[н]ми проводиша и до святаго Дмитрея спрятавше тѣло его, с честию положиша и в рацѣ мраморяне* (Л. 69. Стлб. 206).

В описании народного движения, сопровождающего тело князя, обязательным элементом является цель-ориентир – столичный город (Киев, Владимир) либо центральный храм города:

(14) *Привезше его в Володимерь, с честию положиша и у чудное и хвалы достойное, у святыя Богородици Златоверхое, юже бѣ самъ создалъ* (Л. 125).

Место захоронения обычно комментируется с христианской оценочной точки зрения (отказ от тризны, храм, построенный самим умершим князем или кем-то старшим из рода):

(15) ...*и погребоша и на месте. Ибо заповѣдала Ольга не творите тризны над собою, бѣ бо имущи презвутерь, сей похорони блаженую Ольгу* (Л. 20 об. Стлб. 68).

(16) ...*и възложьше и на сани, везъше, поставиша и въ святѣй Богородици, юже бѣ създаь самъ* (Л. 45. Стлб. 130).

Ср. также примеры (13) и (14).

Для летописца важно показать интенсивность народного плача. В высказываниях много лексем с семантикой интенсивности «много», «вельми», «зѣло», регулярно используются словосочетания «плакася... плачемъ великомъ», «плакаша... плачемъ вельимъ», «бещисла плакашася по немъ», «великъ плачь створиша». Летописец подчеркивает, что песнопения заглушаются громким плачем:

(17) *И не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи* (Л. 67 об. Стлб. 202).

При описании ситуации плача по князю в тексте появляются различные причины, объясняющие сильную эмоциональную реакцию летописного персонажа. Например, в рассказе о восприятии известия о смерти князя Владимира его сыном Борисом:

(18) *И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ* (Л. 45 об. Стлб. 132).

В рассказе о плаче по погибшему Ростиславу Всеволодовичу на реке Стугне его юный возраст был причиной усиления плача:

(19) *и плакася по немъ мати его, и вси людьє пожалиша си по немъ повелику уности его ради* (Л. 73 об. Стлб. 221).

Как видим, основными языковыми реализациями анализируемой ситуации в Лаврентьевской летописи являются предикаты «плакати» и «плакатися», «восплакати», редко «рыдати» (см. пример (9) и именные сочетания «плачь», «великъ плачь» с глаголами «быти» и «сотворити» (13)) [Буряков, 2024, с. 101–102]. Предикаты «вопити», «возопити» и однокорневые существи-

тельные характерны для отображения другого типа ситуации плача, где описывается, как правило, сама речь персонажа летописи.

Элемент (в) – оценка.

Наиболее типичными причинами, порождающими высокую степень эмоционального накала ситуации плача, является соединение похвалы и плача в рассказе о смерти правителя. Такой тип текста восходит к древней традиции устных «слав» героев и похоронных плачей.

Исследователи не раз отмечали тесную взаимосвязь летописных «похвал» и «плачей» «с народными “словами” – величаниями и народными плачами-причитаниями» [Адрианова-Перетц, 1974, с. 35]. В.П. Адрианова-Перетц считает, что летописец использует тот же метод, что и в устных народных текстах: «литературные характеристики... объединяют реальные характеристики героя с желательными для данного исторического момента» [Адрианова-Перетц, 1974, с. 36]. По мнению ученого, «связь летописных плачей с народными причетиями несомненна», но также есть много общего и с плачем-похвалой в житийных княжеских текстах [Адрианова-Перетц, 1947, с. 67].

Включение похвальной характеристики умершего князя и плача по нем является характерным приемом не только для княжеских житий, но и для исторических и публицистических повестей в дальнейшем [Трофимова, 2014]. Таким образом, высокая положительная оценка, выраженная в данном типе плачей, закреплена в стереотипных похвальных и житийных формулах, которые будут активно использоваться в различных древнерусских жанрах в течение долгого времени.

Рассмотрим некоторые примеры текстов похвал в погребальных плачах.

В рассказе о смерти Ольги за описанием великого плача всех людей следует такой похвальный текст:

(20) *Си бысть **предтекущая крестьянстей земли**, аки деньн[и]ца предъ солнцемъ и аки зоря предъ светомъ. Си бо съяше аки луна в нощи. ... Мы же рцемъ къ ней: Радуйся, русское познание къ Богу, начаток примиренью*

быхомъ. Си первое вниде в царство небесное от Руси (Л. 20 об. Стлб. 68).

Соединяются вместе символы народной поэзии (например, «зоря предъ свѣтомъ») и христианская атрибутика («предтекущая крестьянстей земли» и под.), подчеркивающая первенство княгини в выборе христианской религии на Русской земле.

В похвале Владимиру проводится та же мысль:

(21) *Се есть **новый Костянтинъ** великого Рима, иже крестивъся сами люди своя, тако и съ створи подобно ему. Дивно же есть се, **колико добра створилъ Русьстей земли, крестивъ ю...*** (Л. 45. Стлб. 130–131).

Безусловно, высокая положительная оценочность указанных фрагментов связана с особым статусом этих правителей для христианской Руси.

Таковыми же эмоционально оценочными смыслами насыщены тексты об убиенных князях, смерть которых трактуется летописцами как смерть истинных христиан. Например, во фрагменте об Андрее Боголюбском плач переходит в торжественное молитвословие, в котором актуализируется идея пролития князем «крови за Христа»:

(22) *Удивишася небеснии ангели, видяще **кровь твою прольемую за Христа, рыдает же множество правовѣрных, зряще отца сирымъ и кормителя омраченнымъ, звѣзду свѣтоносную помрачаему*** (Л. 124 об.).

Модель описания ситуации плача народа по умершему князю сохраняется на протяжении всего текста Лаврентьевской летописи. Мы наблюдаем регулярные повторы формул оценочного характера, используемые летописцами при описании князей – своих современников в анализируемых типах контекстов:

(23) ***Рыдаху же множество народа правовѣрных, зряще отца сирымъ, и кормителя отходяща и печальным, утешенье великое омрачным, звѣзду светоносу заходящую.** На весь бо бяше церковный чинъ отверзълъ ему Богъ сердечнеи очи... якоже **възлюби ны бяше отецъ, паче и на милостыню...*** (Л. 142 об.).

(24) ...слышавше **вси людье града Володимеря**, стекошася на дворь его и **плакашася по нем плачем вельим**: боляре, **яко заступника земли их**, слугы тако же, **яко кормителя и господина**, убозии и черноризци, **яко утешенье и оденье нагоде ихъ**; и весь **зборъ убогих плакухся**, вскоре лишени такого милостивца... (Л. 151 об. – 152).

Итак, описание процесса плача позволяет авторам выявить важные эмоциональные смыслы, связанные со внутренней жизнью группы людей, поскольку плач можно объективно наблюдать (увидеть и услышать), что позволяет книжнику более ярко показать печаль всех людей в связи со смертью князя. Этот же тип ситуации способствует выявлению идеальных черт русского князя, поскольку плач-похвала относятся лишь к достойному правителю.

2. Ситуация плача в описаниях народных бед, войн и других общественно значимых событиях.

Рассмотрим, как данный тип ситуаций народного плача, возникающий вследствие различных бед, войн и несчастий, получает языковое воплощение в текстах Лаврентьевской летописи. Модель описания этой ситуации совпадает с первой ситуацией, проанализированной ранее в данной статье: (а) событие – (б) реакция на событие (плач) – (в) оценка. Но вследствие другой тематики языковые репрезентации будут существенно отличаться от предыдущего материала.

Рассмотрим, как представлены все выделенные нами элементы данной ситуации в тексте летописи.

В отрывке под 1093 г. описываются несогласованные действия русских князей во время княжения Святополка Изяславича в Киеве, приведшие к поражению в битве с половцами. Как нам представляется, здесь эксплицированы все элементы анализируемой ситуации:

(25) (а) *Побегоша наши пред иноплеменьники, падаху язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша мертви, паче неже у Трьполя...* (в) *Быша же си злая месяца иуля въ 23. Назаутрь яже въ 24, въ святою мученику Бориса и Глеба, (б) бысть плачь в градъ, (в) а*

не радость, грѣхъ ради наших великихъ и не правды, за умноженье безаконий наших. Се бо на ны Богъ попусти поганым, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злых дель (Л. 73 об. – 74. Стлб. 211–222).

Далее проанализируем особенности языковых репрезентаций каждого элемента ситуации плача 2-го типа.

Элемент (а) – событие, вызвавшее плач.

Событие, как правило, представляет собой фрагмент описания военного сражения, в котором рассказывается о поражении русских войск или «своих», если описываются межкняжеские распри.

Рассказ о событии представляет собой некое информативное сообщение о приходе врага, битве, бегстве, ранении, смерти русских (князя и воинов). Описание строится на основе перечисления, что является одним из излюбленных приемов средневекового книжника [Демин, 2000, с. 18]. Исследователями отмечается, что для перечислительных конструкций является характерным незамкнутый характер структуры, равноправность составляющих синтагм [Борковский, 2006]. В высказываниях, посвященных описанию действий на поле боя, предикаты становятся основным смысловым центром повествования:

(26) *В се время поидоша половци на Русьскую землю, слышавше як оумерлъ естъ Всеволодъ, И придоша половци мнози...* (Л. 72 об. Стлб. 218).

(27) *Святополкъ же стояше... и побегоша людье... и побеже Святополкъ* (Л. 72–72 об. Стлб. 218).

И далее:

(28) *Князи изымани быша... и дружина избита, а другая изымана, и та язвена.* (Л. 135).

(29) *...поплѣннвшее... пожгоша... и князя убиша... овы растинахуть, другыя... растрѣляху* (Л. 159 об. – 160).

Используются формулы и устойчивые сочетания, характерные для древнерусских повестей. Исследование этого явления имеет достаточно давнюю историю в русской филологии [Орлов, 1902; Творогов, 1974; Колесов, 1989]. Данная проблематика продолжает оставаться

актуальной для современных ученых [Генералова, 2023; Пименова, 2013]. В летописном тексте, предшествующем описанию плача, наиболее частотными являются формулы, связанные с началом битвы и с поражением русских войск:

(30) *...бысть брань люта, побѣже и Володимеръ* (Л. 72 об. Стлб. 218).

(31) *...и бишася с ними крепко, и бысть съча зла велми.* (Л. 135).

(32) *...бысть сеча велика* (Л. 159 об.).

Летописец вводит в текст конкретные детали неудачных битв:

(33) *И бишася с ними крепко, и обиступиша князя злѣ...* (Л. 135).

(34) *И убиша у Всеволода воеводу Еремея Глебовича и иных мужий много убиша у Всеволода* (Л. 159 об. – 160).

Показатели интенсивности бед и несчастий являются регулярными при отражении анализируемых ситуаций в летописном тексте:

(35) *Изнемогли бо ся бяху безводьемь и кони, и сами в зной и в тузѣ, и поступиша мало к водѣ поз дни, бо не пустили бяху ихъ к водѣ* (Л. 134 об. – 135).

(36) *а люди избиша, от старьца и до сущаго младенца, а град и церкви святыя огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша* (Л. 160).

Описание события может включать постоянные эпитеты, что позволяет автору проявить свою оценку и несколько усилить эмоциональное воздействие текста:

(37) *Тое же осени придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии татарии взяша славный... Того же лѣта на зиму придоша от восточные страны на Рязаньскую землю лѣсом безбожнии татары и почаша воевати Рязаньскую землю* (Л. 159 об. – 160).

Событие может быть представлено еще более эмоционально, с использованием различных экспрессивных приемов.

В тексте летописи, описывающем поражение в 1186 г. князя Игоря Северского, событие 'результат сражения' описано с двух позиций – поражение «наших» и победа вражеских войск (половцев):

(38) *и побежени быша наши гневом Божьимъ; князи вси изымани быша, а бояре и велможа, и вся дружина избита, а другая изымана, и та язвена. И възвратиша ся с побѣдою великою Половци...* (Л. 135).

В этом же фрагменте летописец увеличивает эмоциональный накал ситуации, указывая, что некому было принести весть о поражении («а о наших не бысть кто и весть принеса за наше согрешенье»). И далее продолжается усиление экспрессивности за счет экспликации в высказывании позиций адресантов (половцев) и адресатов (все князи и бояре), получивших известие о гибели русских войск:

(39) *...И по[и]де путем гость. Они же казаша, рекуще: «Поидете по свою братью, али мы идем по свою братью к вам...» Князем же всем слышавше таку погыбѣль о братье своей, и до боярь возпиша вси* (Л. 135).

Еще более усиливает экспрессию повествования, вызванную военным поражением, введение в повествование рассказа о плаче.

Элемент (б) – эмоциональная реакция (плач).

В летописном тексте компонент 'эмоциональная реакция (плач)' представлен бытийной конструкцией «бысть плачь», которая, как правило, включает в себя различные способы интенсификации в описании данной эмоциональной реакции.

Наблюдается использование лексем-интенсификаторов, парных словосочетаний («велик», «плачь и туга», «плачь и стенанье»):

(40) *Князем же всем слышавше таку погыбѣль о братье своей, и до боярь возпиша вси. И бысть плачь и стенанье...* (Л. 135).

(41) *И бысть плачь и туга в Руси по всѣй земли* (Л. 153 об.).

Как и в ситуации плача 1-го типа, ситуация плача 2-го типа в основном использует предикат «плакати», и редко – «возопити» (см. пример (39) и именные сочетания с бытийным предикатом – примеры (40) и (41)). Необходимо отметить достаточно частое использование предикатов речи с именными лексемами, имеющими семантику плача в ситуациях, передающих прямую речь персонажей:

(42) *...со слезами отвещеваху другъ къ другу, глаголюще: «Азъ бѣхъ сего города», и другий: «А язъ сея вси». Тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе, и въздышюче* (Л. 75).

Эмоционально-экспрессивная функция плача в летописном тексте, видимо, была хорошо понятна русским книжникам. Об этом говорят факты появления изменений (вставок, приписок, редакций) в исходный текст летописи, см., например [Юрьева, 2022].

Отдельно отметим описания битв с татарами. Первые рассказы о их нападении повторяют приемы, взятые из Повести временных лет, ср. с замечанием Г.М. Прохорова о том, что нападения татар в Лаврентьевской летописи описываются по образцам ПВЛ, где рассказывается о битвах русских с половцами, о печальных переживаниях жителей Владимира [Прохоров, 1974, с. 79].

Далее способ отображения подобных ситуаций изменяется, рассказы о битвах русских с татарами становятся более «сухими» сообщениями, в которых почти отсутствует оценочная и экспрессивная тональность (см. выше об этом) и эмоциональные мотивы уменьшаются. См. примеры (32), (34).

Однако в рассказе о взятии города Владимира мы видим подробное описание нескольких эпизодов, вызвавших плач всех горожан:

(43) *И приѣхаша татарове близъ к воротом и начаша татарове молвити: «Знаете ли княжича вашего Володимера?» – бе бо уныль лицом. Всеволодъ же и Мстиславъ... познаста брата своего Володимера. О умиленное видѣнье и слезъ достоино! Всеволодъ и Мстиславъ с дружиною своею и вси гражане плакахуся, зряще Володимера...* (Л. 160–160 об.).

Г.М. Прохоров, опираясь на архивные материалы В.Л. Комаровича, убедительно показал, что в XIV в. была сделана редакция текста (вероятно, Лаврентием), усиливающая эмоциональную окраску рассказа. Исследователи связывают это с изменением политических обстоятельств и общественных настроений в 1377 г., накануне Куликовской битвы. С помощью подробного рассказа о героической смерти владимирских

князей и эмоционального описания оплакивания «страстотерпцев-подвижников» новая редакция летописного текста, по мнению исследователей, способствовала формированию понимания богоугодности совместной борьбы с врагами русской земли [Прохоров, 1974, с. 90]. Поэтому вставляются эпизоды, описывающие страдания князя и горестные чувства защитников:

(44) *Всеволод же и Мстиславъ сжалиста-си брата своего дея Володимера...: «Братъя, луче ны есть умрѣти перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру хрестьяньскую...* (Л. 160 об.).

В тексте летописи появляется тема борьбы за христианскую веру, хотя, как известно, монголо-татары, будучи язычниками, христианской веры не касались, мусульманами стали позже описываемых событий, но монахи-редакторы, через записи в летописи призывали к борьбе, как спустя 3 года святой Сергей благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву [Прохоров, 1974, с. 98].

Элемент (в) – оценка события.

Нами отдельно выделяется этот элемент ситуации, несмотря на то, что тексты, имеющие тематику военных поражений и народных бедствий, конечно же, несут в себе имплицитные оценочные смыслы всегда, даже если это только информативное высказывание.

И действительно, само событие может получить в описании оценочные номинации, например, «эта беда»:

(45) *Быша же си злая месяца иуля въ 23* (Л. 73 об. Стлб. 221).

Описание участников горестных событий часто включает в себя оценочные определения:

(46) *стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми, въ алчи и в жажи и в беде...* (Л. 75. Стлб. 224).

Описание, как погибали князья на поле боя, как сжигались церкви, также выражает оценочность (см. примеры (26–29)). Выражение показателей интенсивности при описании поражения и постоянные эпитеты, несомненно, также придают оценочно-эмоциональную тональность в тексте (см. примеры (35), (37)).

Под оценкой события в выделенной нами модели ситуации плача мы понимаем прежде всего развернутые комментарии авторов летописного текста.

Так, при описании всенародного плача в летописи часто используется антонимическая пара – *плачь/радость*. В разных летописных фрагментах используется аллюзия на одну цитату из библейского текста:

(47) *...бысть плачь в градъ, а не радость* (Л. 73 об. – 74. Стлб. 221–222).

(48) *Гдѣ бо бѣше в нас радость, нонѣ же въздыханье и плачь распространися...* (Л. 135).

Ср. в более позднем тексте Лаврентьевской летописи преобразование оппозиции *праздники/сетование*, по сути, являющейся синонимической уже упоминаемой паре *радость/плачь*, в развернутую цитату из пророческого текста:

(49) *...сего ради в праздники нам наводит Богъ сетование, якоже пророкъ глаголюще: «Преложю праздники ваша в плачь и песни ваша в рыдание». И взяша град до обеда от Золотых воротъ* (Л. 161).

Характерным является соединение в одном высказывании семантики противопоставления и причинности:

(50) *И бысть плачь велик в граде, а не радость, грех ради наших и неправды* (Л. 160 об.).

Интересно отметить, что подобная оппозиция плача и радости используется и при описании радостного события (примирение князей после «которые», «воздвиженной» «оканьнымъ дьяволомъ»):

(51) *И бысть радость велика в земли Суждальстей, а дьяволъ единъ плакаше своея погыбѣли* (Л. 150–150 об.).

Наиболее полно оценочное значение в данном типе ситуации представлено в авторских комментариях, которые прежде всего опираются на представления о казнях Божиих, иногда именуемых в исследованиях *теорией казней Божьих* [Мильков, 1997].

Как известно, впервые поучения о казнях Божиих в развернутом виде представлены в статье под 1068 г. И далее эта тема регулярно появляется в летописи, в том числе и при отражениях

ситуаций, связанных с общенародными бедствиями. Например, автором подробно перечисляются виды «напастей», которыми Бог «казнит» народ:

(52) *Богъ бо казнит рабы своя напастми различными: огнем, водою, ратью, смертью напрасноу. Тако бо и подобает хрестьяном многими напастми и скорбми внити в Царство небесное, аще с благодареньем примут напасти* (Л. 155).

В теории казней, по мнению В.В. Милькова, смысл Божьей кары связан с ценностями общества, например, в Лаврентьевской летописи для блага Русской земли условием становится богобоязненность русичей [Мильков, 1997, с. 34].

Оценочные комментарии, эксплицирующие историко-философские смыслы теории казней Божьих, как правило, выражены с помощью различных каузативных конструкций. Комментарии могут быть развернутыми, и каузативная семантика выражена как в отдельных сложноподчиненных конструкциях, так и в самом сложном целом:

(53) *Се бо на ны Богъ попусти поганым, не яко милоу ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злых делъ. Симъ казнить ны нахоженьемъ поганых, се бо есть батогъ его, да негли втягнувшеся вспоминаемъся от злаго пути своего* (Л. 73 об. – 74. Стлб. 221–222).

Ср. подробное описание в летописи первого появления татар, когда автор текста оценивает его в духе поучения и казней Божьих для «оканьных» половцев:

(54) *а и мы слышахом, яко многы страны поплениша: ясы, обезы, касогы и половець безбожных множество избиша, а инехъ загнаша и тако измроша, убиваеми гневом Божьимъ и пречистыя его матере. Много бо зла створиша ти окаянии половци Руской земли, того ради всемилостивый Богъ хотя погубити и наказати безбожныя сыны Измаиловы куманы, яко да отмстить кровь хрестьяньску...* (Л. 153).

Идея «казней Божьих» может быть представлена и в более «свернутом» виде в различных предложно-падежных конструкциях причинной семантики и особыми формулами.

Наиболее востребованы для экспликации идеи Божьего наказания в тексте оказываются следующие предложно-падежные формы «ради+ род. п.», «за+ вин. п.». Например, *страдания* и *плач* появляются, по мнению авторов летописного текста, «грех ради наших и неправды», «за умножение безаконий наших», «за наше согрешенье».

В рамках теории казней Божьих распространены являются формулы, в которых действующим субъектом представлен Божественный субъект. Такие формулы реализуются в конструкциях как с активным, так и с пассивным значением:

(55) ...того ради всемилостивый Богъ хотя погубити... (Л. 153).

(56) ...побѣдени быша гнѣвомъ Божьимъ... (Л. 135).

Кроме эксплицирования оценочно-каузативных смыслов на основе этой теории, объяснение народного плача может поясняться другими, прежде всего «родовыми» причинами, когда речь идет о погибших – близких родственниках плачущих:

(57) *И бысть плачь и стенанье: овець бо братья избита и изымана, а другимъ отци и ближикы...* (Л. 135).

Оценочный комментарий в анализируемом типе ситуации плача может основываться на развертывании различных антонимичных оппозиций.

Так, в летописном тексте при описании бед, вызванных междоусобицей, в качестве причины предлагается противопоставление Божественного и демонического субъектов:

(58) *Богъ бо не хочетъ зла челоукомъ, но блага, и дьяволъ радуется злему убийству, и крови пролитью, подвизая свары, и зависти, братоненавидѣнье, клеветы* (Л. 56 об. Стлб. 151).

(59) *И бысть радость велика в земли Суждальстей, а дьяволъ единъ плакаше своя погыбѣли* (Л. 150–150 об.).

На противопоставлении же основывается вопросно-ответный метод, включающий в себя цепочки эмоциональных вопросительных

и асертивных высказываний. Автор использует противоположные для него понятия («умиление» // «слезы», «вздыханье» // «плачь») и тем самым помогает проявить остроту конфликтов и противоречий описываемых ситуаций. Например:

(60) *Гдѣ бо бѣ тогда у насъ умиление? Нонѣ же вся полна суть слезъ. Гдѣ бѣ в насъ въздыханье? Нонѣ же плачь по вѣсѣмъ улицамъ упространися избьеныхъ ради, иже избиша безаконьнии* (Л. 75).

Такой же прием используется в этом же фрагменте с целью выявления идеи избранности народа, пострадавшего и «плачущего» от «безбожных степняков». Фразы *ненавидими Богомъ* и *Богъ любить* и др. создают резкое противопоставление и усиливают эмоциональное воздействие:

(61) *Да никтоже дерзнетъ рещи, яко ненавидими Богомъ есмы! Да не будетъ кого бо тако Богъ любить, якоже ны възлюбилъ есть? его бо тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никогоже! Имъже паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всехъ почтени бывше, горее всехъ сдѣяхомъ грѣхы...* (Л. 75).

Кроме того, обратим внимание на риторические восклицания, направленные к Божественному субъекту:

(62) *О неиздрѣченному челоуколюбю! Якоже видѣ ны волею к нему обращающася. О тмами любве, еже к намъ!* (Л. 74 об.).

(63) *О неизрѣченное челоуколюбье! Понеже хотяще, уклонихомся отъ заповѣди его, се уже не хотяще, терпимъ все съ нужею...* (Л. 133 об.).

ПВЛ насыщена такими восклицаниями (их больше, чем в других славянских хрониках, например чешских) [Иванайнен, 2017; Шаповалов 2022], и соответственно, в авторских комментариях в ситуациях плача их появление является регулярным.

Результаты исследования. Авторами описаны основные строевые элементы эмоциональной ситуации в древнерусском тексте, становящейся базой для формирования жанра плача.

В целом семантика сопоставления эмоциональных состояний радости, веселья, плача организует пространство текста и его динамику. При этом жанрообразующий потенциал для других эмоций оказывается недостаточным.

Выводы, к которым приходят авторы статьи, убеждают, что летописное повествование вовсе не сводится к перечислению событий, характеристике персон и их вклада в событийную канву. Его динамика обеспечивается развитием эмоциональных смыслов и наполнением конкретных эпизодов, группировкой таких эпизодов в сюжетные линии параллельно с общей эмоциональной характеристикой линий, а в целом пафос летописи выражается в тесной связи эмоциональной составляющей и хроникального содержания.

В дальнейшем развитии русского летописания традиции эмоционального сопровождения событий и персон претерпевают изменения, и структура модели эмоционального состояния

плача, выработанная в Повести временных лет, получает различные вариации вплоть до Повестей Смутного времени. Эти изменения оказывались в поле зрения авторов и ранее, а в данной статье базовая модель описания плача представлена более подробно.

Заключение. Анализ моделей и структур ситуаций персональных и коллективных эмоциональных проявлений, описанных в летописных текстах, имеет для понимания развития древнерусской системы жанров большое значение. Ситуация плача обладает особенностью потенциала трансформации в отдельный жанр, что обуславливает дополнительный интерес к ней.

Авторский вклад выражен в том, что проанализированы ситуации плача в Повести временных лет и ее продолжении в Лаврентьевской летописи, тем самым создана база для рассмотрения ситуаций эмоционального проявления в более поздних древнерусских хроникальных и повествовательных текстах.

Библиографический список

1. Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л.: Наука, 1974. 171 с. URL: https://imwerden.de/pdf/adrianova-perets_drevnerusskaya_literatura_i_folklor_1974__ocr.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
2. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: АН СССР, 1947. 185 с. URL: <https://web.archive.org/web/20120516102252/http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8256> (дата обращения: 03.10.2025).
3. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006. 512 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/xDm5cgDbU-YENUjLbiXahgGQkp3LTQwQ-FHjvqxr9oP-DI5_Fi1LyUhtlGpECRNgwdPSooPLvjN2IXtIFSuy1v9q__xE_FWHms2QNQJAlVIHqgS09Og_zw/V_I_Borkovskiy_P_S_Kuznetsov_Istoricheskaya_grammatika_russkogo_yazyka_2006.pdf (дата обращения: 02.10.2025).
4. Буряков М.А. Происхождение и развитие эмотивного значения. М.: Перо, 2024. 420 с.
5. Велецкая Н.Н. Символы славянского язычества. М.: Вече, 2009. 316 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/hhWPMkxgoKFY9Kxh9I5qjPnQNZS6CWApgqVywAehInIrtwkU7EDcfJSJg-9bk8Rg9Ji-RzKTROJf74L0z24KxsZj3ISUtPOzfNbVZ8OkEpZ7sODs7nEwo8w/Simvoly_slavyanskogo_yazychestva_N_N_Veletskaaya.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
6. Генералова Е.В. К началам исторической фразеологии: устойчивые сверхсловные комплексы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. 20 (4). С. 662–683. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-nachalam-istoricheskoy-frazeologii-ustoychivye-sverhslovnye-kompleksy-v-materialah-dlya-slovara-drevnerusskogo-yazyka-i-i> (дата обращения: 01.10.2025).
7. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск: UFO-PLUS,

2007. С. 78–109. URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/000241588/000241588.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).
8. Демин А.С. О типе литературного творчества создателей «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. Сб. 10. С. 18–43. URL: https://old-rus-imli.ru/images/germ-v-10/3_demin_a_s.pdf (дата обращения: 19.09.2025).
9. Земичева С.С. Эмоциональные концепты «Плач» и «Смех» в дискурсе носителя народно-речевой культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 116–129. URL: <https://sciup.org/jemocionalnye-koncepty-plach-i-smeh-v-diskurse-nositelja-narodno-rechevoj-149129980> (дата обращения: 19.09.2025).
10. Иванайнен О.В. «Азъ» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2017. Вып. 16–17. С. 389–582. URL: https://archive.org/details/hermeneutics-of-old-russian-literature-2014-issues-16-17/02_Ivanajnen/ (дата обращения: 19.10.2025).
11. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с. URL: <https://djvu.online/file/QDwB4fKZF4fOg?ysclid=mi66bvrixs453365978> (дата обращения: 20.10.2025).
12. Колесов В.В. Средневековый текст как единство поэтических средств языка // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 92–98. URL: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=hRfqUkV1gKA%3d&tabid=2296> (дата обращения: 20.10.2025).
13. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
14. Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. М.: ИФ РАН, 1997. 197 с. URL: <https://djvu.online/file/7M4yt5D84cM9O?ysclid=mi66f4nbkf648836391> (дата обращения: 20.10.2025).
15. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая 17 в.). М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. 50 с. URL: <http://elibrary.sgu.ru/djvu/books/142.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).
16. Пименова М.В. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9, ч. 2. С. 439–449. URL: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_IX_2.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
17. Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды отдела древнерусской литературы. 1974. Т. 28. С. 77–98. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/28_tom/Proxorov/Proxorov.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
18. Савельева М.К. Сравнительно-сопоставительный анализ семантической структуры глаголов звучания в литературном русском языке и севернорусских говорах (архангельских и камчатских) // Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 152–157.
19. Творогов О.В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // Труды отдела древнерусской литературы. 1974. Т. 18. С. 277–284. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/18_tom/Tvorogov/Tvorogov.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
20. Товкайло Ю.А. Ментальный образ слез (tears) в языковом сознании (на примере русского и английского языков) // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск. 2019. № 6 (79). С. 686–689.
21. Трофимова Н.В. Особенности формы и стилистики плачей в летописных воинских повестях // Вестник славянских культур. 2014. № 1 (31). С. 141–149. URL: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2014/1/nasledie-drevnej-rusi/trofimova> (дата обращения: 04.10.2025).

22. Трофимова Н.В. Своеобразие поэтики и функционирования плачей в «Казанской истории» // Вестник славянских культур. 2016. № 1 (39). С. 84–92. URL: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2016/n-1-39/filologicheskie-nauki/svoeobrazie-poetiki-i-funkczionirovaniya-plachej-v-kazanskoj-istorii> (дата обращения: 04.10.2025).
23. Фитискина А.А. Плач и слезы в раннем древнерусском летописании // Сквозь слезы: Русская эмоциональная культура. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 5–43.
24. Шаповалов А.В. Риторические вопросы и восклицания в славянском историческом повествовании рубежа XI–XII вв. («Повесть временных лет», «Чешская хроника», «Хроника Галла Анонима») // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 256–268. URL: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2022/tom-65/shapovalov> (дата обращения: 04.10.2025).
25. Юрьева И.С. Общий текст Киевской и Суздальской летописей. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т всеобщей истории РАН, 2022. 208 с. URL: <https://ruslang.ru/sites/default/files/2022-12/Юрьева.pdf> (дата обращения: 04.10.2025).

WAYS TO PRESENT LAMENT SITUATION IN THE RUSSIAN PRIMARY CHRONICLE AND THE LAURENTIAN CHRONICLE

A.V. Mikhaylov (Krasnoyarsk, Russia)

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In Russian linguistics, there is a description of the genres of ancient Russian literature based on the basic emotional semantics of a group of texts and the structure of emotionally filled situations. Among such genres, the (folk) lament situation turns out to be somewhat underestimated. The authors offer a relatively detailed description of both the lament situation itself in the oldest Russian chronicle, the Primary Chronicle (*lit.* The Tale of Bygone Years), and its continuation in the list of the Laurentian Chronicle, as well as the typology, structural and semantic content of the lament situation.

The purpose of the article is to identify ways to represent the lament situation in the corpus of the Primary Chronicle as part of the Laurentian Chronicle and its continuation (the Suzdal Chronicle).

Methodology and research methods. The main methods of analysis are to identify patterns of lament situation based on their comparison in different time layers of the analyzed texts, and to describe ways of their representation in the chronicle text.

Research results. A structural and semantic description of the lament patterns has been made in the Russian Primary Chronicle according to the chronicle list in the Laurentian Chronicle.

Conclusion. The analysis of patterns and structures of situations of personal and collective emotional manifestations described in chronicle texts is of great importance for understanding the development of the Old Russian system of genres. The situation of lament has the potential to transform into a separate genre, which makes it an additional source of interest.

The authors' contribution lies in analyzing the lament situations in the Primary Chronicle and its continuation in the Laurentian Chronicle, thereby providing a basis for examining situations of emotional expression in later Old Russian chronicles and narrative texts.

Keywords: *situation of emotional manifestation, lament, situation description pattern, Old Russian text, Primary Chronicle.*

Mikhaylov, Alexey V. – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0003-3183-4692; Scopus Author ID: 57704432200; e-mail: avm_2006_64@mail.ru

Mikhaylova, Tatiana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0003-2450-9226; Scopus Author ID: D-2230-2016; e-mail: ta.rada@mail.ru

References

1. Adrianova-Peretetz, V.P. (1974). *Drevnerusskaya literatura i folklor* [Ancient Russian literature and folklore]. Saint Petersburg, Russia. URL: https://imwerden.de/pdf/adrianova-perets_drevnerusskaya_literatura_i_folklor_1974__ocr.pdf (access date: 04.10.2025).
2. Adrianova-Peretetz, V.P. (1947). *Ocherki poeticheskogo stilya Drevney Rusi* [Essays on the poetic style of Ancient Russia]. Moscow, Saint Petersburg, Russia. URL: <https://web.archive.org/web/20120516102252/http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8256> (access date: 03.10.2025).
3. Borkovskiy, V.I., & Kuznetsov, P.S. (2006). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Russia. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/xDm5cg-DbU-YENUjLbiXahgGQkp3LTQwQ-FHjvqxr9oPDI5_Fi1LyUhtlGpECRNsgwdPSooPLvjN2IXtIFsuy1v9q__xE_FWHms2QNQJAlVHUqgS09Og_zw/V_I_Borkovskiy_P_S_Kuznetsov_Istoricheskaya_grammatika_russkogo_yazyka_2006.pdf (access date: 02.10.2025).
4. Buryakov, M.A. (2024). *Proiskhozhdenie i razvitie emotivnogo znacheniya* [The origin and development of emotive meaning]. Moscow, Russia.

5. Veletskaya, N.N. (2009). Simvolы slavyanskogo yazychestva [Symbols of Slavic paganism]. Moscow, Russia. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/hhWpMkxgoKFY9Kxh9I5qjPnQNZS6CWApgqVywAe-hInIrtwkU7EDcfJSJg9bk8Rg9Ji-RzKTROJf74L0z24KxsZj3ISUtPOzfNbVZ8OkEpZ7sODs7nEwo8w/Simvol_y_slavyanskogo_yazychestva_N_N_Veletskaya.pdf (access date: 02.10.2025).
6. Generalova, E.V. (2023). Towards the beginnings of historical phraseology: stable superword complexes in the “Materials for the dictionary of the Old Russian language” by I.I. Sreznevsky. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Language and Literature], 20 (4), 662–683. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-nachalam-istoricheskoy-frazeografii-ustoychivye-sverhslovnnye-kompleksy-v-materialah-dlya-slovary-a-drevnerusskogo-yazyka-i-i> (access date: 02.10.2025).
7. Gyngazova, L.G. (2007). Fizicheskoe i dukhovnoe prostranstvo v diskurse nositelya traditsionnoy kultury. In *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial models in language and text] (pp. 78–109). Tomsk, Russia. URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/000241588/000241588.pdf> (access date: 19.09.2025).
8. Demin, A.S. (2000). On the type of literary creativity of the creators of the Tale of Bygone Years. *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Ancient Russian Literature], 10, 18–43. URL: https://old-rus-imli.ru/images/germ-v-10/3_demin_a_s.pdf (access date: 19.09.2025).
9. Zemicheva, S.S. (2019). Emotional concepts of ‘lament’ and ‘laughter’ in the discourse of the bearer of folk speech culture. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics], 18 (3), 116–129. URL: <https://sciup.org/jemocionalnye-koncepty-plach-i-smeh-v-diskurse-nositelja-narodno-rechevoj-149129980> (access date: 19.09.2025).
10. Ivanaynen, O.V. (2017). The ‘Az’ of the chronicler in the Tale of Bygone Years, its variants and ways of expression. *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Ancient Russian Literature], 16–17, 389–582. URL: https://archive.org/details/hermeneutics-of-old-russian-literature-2014-issues-16-17/02_Ivanajnen/ (access date: 19.10.2025).
11. Kolesov, V.V. (1989). *Drevnerusskij literaturnyj yazyk* [Ancient Russian literary language]. Leningrad, Russia. URL: <https://djvu.online/file/QDwB4fKZF4fOg?ysclid=mi66bvrixs453365978> (access date: 20.10.2025).
12. Kolesov, V.V. (1996). Medieval text as a unity of poetic means of language. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature], 50, 92–98. URL: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=hRfqUkV1gKA%3d&tabid=2296> (access date: 20.10.2025).
13. Krasavskiy, N.A. (2001). *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures]. Volgograd, Russia.
14. Milkov, V.V. (1997). *Osmyslenie istorii v Drevney Rusi* [Understanding of history in Ancient Russia]. Moscow, Russia. URL: <https://djvu.online/file/7M4yt5D84cM9O?ysclid=mi66f4nbkf648836391> (access date: 20.10.2025).
15. Orlov, A.S. (1902). *Ob osobennostyakh formy russkikh voinskikh povestey (konchaya 17 v.)* [On the features of the form of Russian military stories (till late 17th century)]. Moscow, Russia. URL: <http://elibrary.sgu.ru/djvu/books/142.pdf> (access date: 20.10.2025).
16. Pimenova, M.V. (2013). Stable lexico-semantic units and their fixation in historical dictionaries. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research], 9 (2), 439–449. https://alp.iling.spb.ru/static/alp_IX_2.pdf (access date: 20.10.2025).
17. Prokhorov, G.M. (1974). The tale of the Batu invasion in the Laurentian Chronicle. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature], 28, 77–98.

URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/28_tom/Proxorov/Proxorov.pdf (access date: 04.10.2025).

18. Savelyeva, M.K. (2011). Comparative analysis of the semantic structure of sound-imitating verbs in literary Russian and Northern Russian dialects (Arkhangelsk and Kamchatka). *Vestnik Kamchatskoy regionalnoy assotsiatsii "Uchebno-nauchny tsentr". Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Bulletin of the Kamchatka Regional Association "Educational and Scientific Center". Series: Humanities], 1 (17), 152–157.
19. Tvorogov, O.V. (1974). Traditional stable phrases in the Tale of Bygone Years. *Trudy otдела drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature], 18, 277–284. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/18_tom/Tvorogov/Tvorogov.pdf (access date: 04.10.2025).
20. Tovkaylo, Yu.A. (2019). The mental image of tears in linguistic consciousness (using the example of Russian and English languages). *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, and Education], 6 (79), 686–689.
21. Trofimova, N.V. (2014). Features of the form and style of laments in the chronicle military stories. *Vestnik slavyanskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures], 1 (31), 141–149. URL: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2014/1/nasledie-drevnej-rusi/trofimova> (access date: 04.10.2025).
22. Trofimova, N.V. (2016). The features of poetics and functioning of laments in the Kazan History. *Vestnik slavyanskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures], 1 (39), 84–92. URL: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2016/n-1-39/filologicheskie-nauki/svoeobrazie-poetiki-i-funkczionirovaniya-plachej-v-kazan-skoj-istorii> (access date: 04.10.2025).
23. Fitiskina, A.A. (2023, November 25–26). Laments and tears in the early Ancient Russian chronicle. In *Skvoz slezy: Russkaya emotsionalnaya kultura* [Through tears: Russian emotional culture]. Conference, Saint Petersburg, Russia.
24. Shapovalov, A.V. (2022). Rhetorical questions and exclamations in the Slavic historical narrative of the turn of the 11th – 12th centuries (The Tale of Bygone Years, The Czech Chronicle, The Chronicle of Gallus Anonymous). *Vestnik slavyanskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures], 65, 256–268. URL: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2022/tom-65/shapovalov> (access date: 04.10.2025).
25. Yuryeva, I.S. (2022). *Obshchiy tekst Kievskoy i Suzdalskoy letopisey* [Common text of the Kiev and Suzdal Chronicles]. Moscow, Russia. URL: <https://ruslang.ru/sites/default/files/2022-12/Юрьева.pdf> (access date: 04.10.2025).